

ЛЕВ КАССИЛЬ

ЧАСЫ НА БАШНЕ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1940

Д
К.28

ЛЕВ КАССИЛЬ

ЧАСЫ НА БАШНЕ

Рисунки
А. БРЕЯ

87311

Учен. зап. кн. тов.
Сиб. отд. Ленинск.
Восточного
Института
ИРКУТСК

ЦЕ ВЛЕСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

11952

СОДЕРЖАНИЕ

Слова командира	5
Гость	11
Олеся Пружак	17
Спор о силе	24
Портрет	29
Ночные заботы	36

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор *К. Пискунов*. Художеств. редактор *П. Суворов*. Технич. редактор *В. Тышкевич*.
Корректоры *Е. Валабаши* *О. Ковалевская*. Снято в производство 20/XI 1939 г. Подписано к печати 27/XII 1939 г.
Детиздат № 2530. Индекс Д-6. Формат $72 \times 93\frac{1}{16}$. 2^л, печ. л. + 1 вклейка. (2,62 уч.-авт. л.). 1,312 бум. л.
60800 зн. в бум. л. Тираж 50 000 экз. Уполномоченный Главлита А-20765. Заказ № 2112.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.

У меня есть записная книжка. Куда бы я ни поехал, куда бы ни отправился, она у меня в кармане. Она со мной, когда я работаю, гуляю или толкую с пионерами у лагерного костра, искры которого летят к ночному небу и остаются там звездами...

С этой книжечкой я летал на самолетах, плавал на корабле в далекие страны. Три раза я терял ее и трижды находил снова. Днем я не расстаюсь с ней, а на ночь кладу под подушку, чтоб записывать хорошие сны, видеть которые я очень люблю.

Когда подходит полночь и ночь уже готова повернуть на завтра, раздается голос Москвы:

— Слушайте Красную площадь и бой часов с кремлевской башни!

И во всех краях большой нашей страны, во всем круглом мире люди, затихнув, слушают, как играют часы на башне Кремля:

Би-им, бюм-бум-бом, бэ-бам!..

Мы сверяем свои часы и тихо говорим про Москву, про звезды на башнях и про того человека в Кремле, с сердцем которого бьются в лад сердца всех добрых и смелых людей.

Вот рассказы, которые я записал в свою книжку, слушая, как бьют часы на башне.

87311

СЛОВА КОМАНДИРА

С Сталина не было видно, когда Борька Строков скомандовал своим: „Приготовиться!“ и взглянул опять на мавзолей. Только легкое облачко вилось за плечом Ворошилова, там, где прежде стоял Сталин. Сквозной голубоватый дымок растворялся в жарком июльском воздухе. И Борька догадался: это курится трубка Сталина. Должно быть, он утомился и присел там, сзади, отдохнуть.

Целый месяц воображал Борька, как поведет он по Красной площади свой батальон. Грохнут барабаны, запоют трубы, качнутся знамена, „марш!“ — и сам Сталин увидит его, Борьку Строкова... А сейчас, как нарочно, товарищ Сталин не смотрит.

А команда уже дана и знамена распущены — красные, голубые, зеленые. И солнце просвечивает сквозь шелк, то красное, то голубое, то зеленое солнце. Мальчики и девочки стоят, как стоят бойцы на параде, плечо к плечу. И ряды их отбрасывают тень, такую же плотную и зубчатую, как тень Кремлевской стены.

Би-им, бум-бум-бом, бэ-бам!.. — проиграли часы на башне. Главный капельмейстер поднял свою указку, и на весь белый свет грянул торжественный пионерский марш. ✕

Третьим пошел батальон Бори Строкова. В эту минуту Борька заметил, как Ворошилов, обернувшись назад, потянул кого-то за руку. И у гранитного барьера тотчас появился Сталин. Он вытер платком усы. Потом он поправил обеими руками фуражку: левой рукой тронул сзади околыш, а правой — козырек. Ворошилов показывал на площадь, на ребят. Сталин закивал головой и засмеялся.

„Вот он сейчас смотрит на нас, — думает Борька, приближаясь к мавзолею, — наверно, и меня видит. Такой маленький, думает, а уже

так хорошо командует! Как, интересно, его фамилия?“

Борька задрал голову, выпятил грудь что есть духу, жестоко размахивает руками, и глаза у него готовы выпрыгнуть — вот как он их растарасил! Ему кажется, что чем шире он сам раскроет глаза, тем лучше и его увидят.

Уже про всё на свете забыл Борька. Забыл, что за ним идет его батальон, что он командир, что ему...

Он опомнился только тогда, когда чуть не наступил на пятки мальчику, который шагал в последнем ряду второго батальона. Еще секунда — и Борька врезался бы в чужой батальон. Он с ужасом оглянулся и увидел, что его батальон остался далеко позади, ребята не могут поспеть за увлекшимся командиром, а командир совсем оторвался от своих, да и шагает уже не в ногу со всеми.

У Борьки вмиг нажгло уши и щеки, будто он смаху в крапиву влетел. Он разом сменил ногу, сделал шаг на месте, и батальон подтянулся к своему командиру. Но теперь уж лучше

было не оглядываться назад, на мавзолей, где Сталин и Ворошилов, должно быть, всё заметили...

Большая пятиконечная тень от звезды, что на башне Кремля, прохладно касается горящих щек Борьки.

Конец парада...

Сердились после пионеры на Борю Строкова.

— Чуть ты весь парад нам не испортил! — нападали они на своего командира. — Счастье еще твое, что недалеко ускакал — спохватился!

Ничего не мог сказать Борька и пошел домой.

Вечером к нему приехал дядя Гора, командир, который готовил ребят к параду.

— Ну, герой, как?.. Да ты что это? Переживаешь всё?

— Я думал всё про него, — забормотал Борька, — и всё смотрел, смотрел и сбился нечаянно. Не знаю даже как!.. Когда наши на Хасане воевали, так они все тоже про Сталина думали. И вон как победили! А у меня почему-то...

Борька отвернулся и больно ударил себя кулаком по колену.

И тут командир, настоящий боевой командир Красной армии, дядя Гора, объяснил Борьке, почему у него так получилось.

— Да, — промолвил дядя Гора, — наши бойцы шли в бой, думая о Сталине. Думать о Сталине — это значит помнить, что всему народу и Сталину важно, чтоб ты сделал свое дело хорошо. А ты вот как раз о деле-то своем, о командирском долге, и забыл. Вот оно и получилось.

Борька молчал. Дядя Гора положил руку ему на макушку и качнул сперва в одну сторону, потом в другую:

— Ну чего ты тут расстраиваешься? Ну, немножко сбился, потом сразу в ногу попал. Кроме нас, никто и не заметил. Славно прошли.

ГОСТЬ

С утра они ждали гостя, Володя и Наташа. Вынесли столик в сад, потащили туда соломённое кресло. Поочередно бегали то и дело на кухню и ко мне, выпрашивая то тарелку, то яблоко, то терку, то чистую бумагу. Потом оба очень долго и тщательно умывались, хотя до обеда было еще далеко. А Володька нацепил значок „Да здравствует 1 Мая!“, хотя был уже июль. +

Наташа заботливо осматривала столик. Всё Володино и Наташино богатство, все их заветные сокровища были выложены на стол. Взятая у меня бумага была постелена как скатерть. Лежала батарейка от карманного фонарика. Рядом с ней стояла моя старая чернильница.

Из нее торчали анютины глазки. Посередине стола на чистом блюдежке лежало тугощекое яблоко. В открытой жестянке из-под зубного порошка сложены были шарики, скатанные из глины. Наташа суежилась около стола, а Володя непрерывно подбегал к воротам и выглядывал на дорогу.

— Не идет? — спрашивала Наташа.

— Нет еще, — отвечал Володя. — Он обещал: как управится на Красной площади, так придет... Там еще часы не играли.

— Кого это вы ждете к себе? — поинтересовался я.

Володя и Наташа строго взглянули на меня.

— Уж знаем кого.

И оба смутились.

Мне надоело ждать гостя. Я ушел наверх работать и вдруг услышал под окном такой разговор.

— Вот, пожалуйста, садитесь в это мягкое кресло, — говорила Наташа. — Вы, наверное, устали на Красной площади... Наши дети вас прямо с утра заждались. Кушайте, кушайте пирожки...

Не подгорели? Угощайтесь на здоровье... Володя, что ты сидишь, как глупый? Предложи печенье... Вот, пожалуйста, яблоко. Это — самое лучшее и ни капли не червивое. Прошу вас, кушайте и утирайтесь глаженной салфеткой.

— А после обеда можете, пожалуйста, прокатиться на моем грузовике, — услышал я голос Володи и изумился.

Никогда никому в жизни не давал Володя своего грузовичка. Должно быть, гость пришел очень уж дорогой.

Я осторожно выглянул в окно.

Солнце стояло прямо над садом. Листья осин искрились. Тяжелые яблони не могли перевести дух от жары. Всё было неподвижно. Казалось, что и листьям лень пошевелиться. Только терпеливые кузнечики стрекотали на весь сад: цы-цы-цы-цы-цы-цы...

Володя и Наташа чинно сидели на солнце-пече за столиком, но больше там никого не было.

— Живите у нас всегда, — говорил Володя. — У нас тут очень свежо и хорошее пита-

ние. Наши дети вам жуков наловят самых лучших, сколько хотите. Даже бронзовиков!.. Это я будто так ему говорю...

— А он говорит, что ему столько жуков наловили, что уже девать некуда! — сказала Наташа.

Я не стал мешать ребятам и только за обедом спросил, кто это у них был в гостях.

— Не говори! — сказала Наташа и замотала головой.

— Ты дразниться еще начнешь, — сказал Володя, — скажешь: чего выдумали!

Я обещал не дразниться.

— Всё равно не говори, — сказала Наташа.

— На букву С и Т, — начал Володя и поглядел на Наташу.

— И потом еще А, — шопотом подсказала Наташа.

— Он нам всё рассказал, — подхватил Володя: — как он на Красной площади был и как там красноармейцев было — целая тысяча! И он обещался, что на тот раз нас тоже возьмет на парад!

— На С и Т и А, — сказала Наташа. — Сам догадайся.

И я догадался. Я понял, в какого гостя играли ребята, и кому позволил Володя взять грузовичок, и кому он обещал самых лучших жуков бронзовиков.

+

ОЛЕСЯ ПРУЖАК

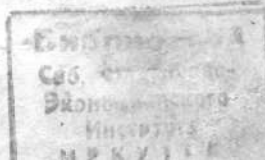
У же накануне в селе стали говорить, что панам пришел конец: сам Сталин ведет Красную армию на помощь народу, и происходит великое чудо — где только ступит на землю нога красного бойца, там земля пана навсегда становится землей всех.

Шел дождь ночью, и где-то принимался бухать частый короткий гром.

Утром Олеся побежала за речку. Она поднялась на горку, прошла лесом и очутилась в ветреном поле.

На косогоре стояли танки. На переднем шевелился красный флажок.

Высунулся по пояс человек в толстом шлеме с красной звездой, весь одетый в черную блестя-

щую кожу. Это был командир. Он увидел Олесю.

— А ну, ходи до нас, не бойсь! — крикнул он.

— Я и не боюсь совсем, — сказала Олеся и подошла к командиру. — Здравствуйте!

— Доброго здоровья! — проговорил командир. — Ты, девица-красавица, будешь из Груденева?

— Из Груденевки.

— Ну, тебя нам и надо! — воскликнул командир.

Олеся посмотрела на него с недоверием. Из других танков тоже высунулись люди в толстых шлемах.

— Дядя, вы — Красная армия? — спросила Олеся.

— Мы — Красная армия.

— А где Сталин?

— Сталин в Москве, — серьезно сказал командир. — Он тебе кланяться велел. Тебя не Стасей звать?

— Нет, Олесей.

— Вот я ж и говорю — не Стасей! Нам

Стася ни к чему, нам именно Олеся и требуется.

— Так то, может, вам другую Олесю... У Балабовичей еще есть, Олеся тоже. А мы — Пружак.

— Вот-вот, именно Олеся Пружак! Она самая нам и требуется. Садись, влезай сюда! — крикнул командир и протянул Олесе руку.

— Ой, я вам на слежу: у меня ноги сырые! Командир одной рукой поднял Олесю и посадил ее в открытую башню танка.

— Ходу! — скомандовал он.

Всё взревело кругом, задрожало, рванулось. Танки стремглав пошли к селу. Олеся сперва обмерла от эдакого грохота и разбега. Она вцепилась в скользкий кожаный рукав командира. Одной рукой он крепко обнял Олесю, другой, наклонив против ветра, держал тугое знамя.

И нипочем была для танков вязкая грязь! Машины сами на ходу подстилали себе железные половики: они без конца сбегали с

обеих сторон танка вперед, на дорогу, машина мчалась по ним и забирала их с собой, швыряя глину.

Олеся скоро освоилась.

— Ох, мы вас ждали, ждали! — крикнула она в ухо командиру.

— И давно вы нас ждали? — тоже закричал командир.

— Мама говорит, двадцать лет, а я — целый день вчера...

Навстречу бежали жители Груденева. Они махали и всплескивали руками. А дети скакали и танцевали босыми ногами в лужах и завистливо кричали что-то Олеся. А когда моторы замолчали, Олеся услышала, как ее отец говорил командиру:

— Встретили бы вас, дорогие люди, с хлебом-солью — только уж второй месяц сами соли не видим.

Вечером командир приказал наладить походный радиоприемник. Боец-радист укрепил на высоком ясене большой рупор. Всполошились галки. Народ собрался под деревом.

Радист настроил аппарат. Испуганная галка сослепу залетела в рупор и выскочила оттуда, отчаянно махая на всех крыльями.

Рупор зазвенел, и все услышали голос из Москвы.

Долго слушали люди. О дружных народах, о широкой земле, о вольном, веселом труде пела Москва. И многие еще по привычке озирались, не веря, что можно так громко говорить об этом.

Пошел дождь. Сперва слабенький, редкий, потом припустил. Но никто с места не сдвинулся.

Первый раз в жизни слушала Олеся радио. Она привстала на цыпочки и вытянула шею, словно хотела заглянуть в черное отверстие трубы, из которой выходили московские слова. Не все слова поняла Олеся. Но вот ясно разобрала:

„...Привет товарищу Сталину...“

Потом голос смолк, и раздались певучие удары:

Би-им, бум-бум-бом, бэ-бам!..

Командир объяснил, что это бьют часы на кремлевской башне.

Часы пробили двенадцать раз. Отгремела могучая и строгая музыка.

— Ну, вот и всё на сегодня, — сказал командир.

И народ стал медленно расходиться.

Скоро никого не осталось под деревом. Луна, хоронясь за тучами, тускло освещала опустевшую улицу. Чуть поблескивали, лопааясь, пузыри на лужах. Дождь усилился.

Вдруг командир увидел, что к дереву подкралась Олеся. Она осторожно огляделась, нет ли кого поблизости. Командир стоял в тени от дома, и девочка не заметила его. Она ухватилась за мокрые ветви. Дождь стучал в стенки рупора. Девочка дотянулась до него, всунула голову в самый раструб. Командир услышал ее торопливый, прерывистый голос.

— И от меня ему поклон, — говорила, слегка задыхаясь, Олеся в трубу, — от меня там тоже поклон ему в Москве передайте... Скажите — от Пружак Олеси.

СПОР О СИЛЕ

Спорили о силе. Какая она бывает? И кто всех сильнее?

— Сильней всех Илья Муромец был, — сказал Володя. — Помнишь?

— Помню, — сказала Наташа. — Илья был Муромец, богатырь. Он был здоровый. Как махнет, так все и валяется. Даже лошади — и то!

— Мамонт бы не повалился, — заявил Володя. — Мамонт самый сильный был. Он мог слона на крышу закинуть.

— А кондор что, слабее мамонта?

— Кондор — это, как орел, птица! Он только из всех птиц сильнее. А мамонт всё равно бы

и у кондора мог все крылья из хвоста вытащить.

— Теперь уж мамонты не водятся, — проговорила Наташа. — Сейчас кит всех сильнее.

— А мамонт бы и кита мог затоптать, если б только не умер и в воду полез.

— „Если бы“, „если бы“! — передразнила Наташа. — А кит всё равно сильнее всех!

— А вулкан зато сильнее еще кита! — не сдавался Володя. — Если б кит вдруг полез на гору и вдруг очутился б в вулкане... Думаешь, вулкан засорится? И вовсе нет! Кит бы весь разварился сразу, даже пригорел... А я знаю, кто всех сильнее!

— Кто?

— Всех сильнее Геркулес был! Он целый великан был. Его все киты боялись. Он знаешь какой был? Волосы причесывал граблями, а зубы чистил щеткой, которой подметают... А курил знаешь как? Провертит сбоку у вулкана дырку — и давай дымить! А если вулкан потух, возьмет дом, печку затопит, а сам тру-

бу на крыше всунет в рот и курит себе. Вот какой был силач! Его никто не мог победить. Он бы всех поборол.

— Так он ведь в сказке только был... Мало ли что!

— А он бы и вправду всех победил.

— Так бы уж и не нашелся, кто его победит?

— Никто бы не нашелся.

— Никто из людей? Ни один человек? Что ж, по-твоему, значит, его и Сталин бы не победил? — спросила Наташа и хитро посмотрела на Володю. — Сталин бы уж победил!

Володя смутился было, но потом нашелся.

— А Геркулес бы с ним не боролся, его бы Геркулес послушался, — сказал Володька. — Он бы сам за нас скорей стал да как дал бы врагам всем!

— А что бы он сейчас в жизни делал, Геркулес твой? — придиралась Натка.

— На службу ходил.

— Он бы на службе не поместился.

— Уж нашлось бы ему место, не беспокой-

ся! — сказал Володя. — Он бы знаешь куда на службу ходил? В самый Кремль. Он бы там у часов стоял, которые, знаешь, на башне? И заводил бы их прямо с земли... Пускай, чтоб всё время, целый день играли!

Больше спорить было не о чем. Пошли вместе чай пить.

ПОРТРЕТ

Есть много разных портретов Сталина. Бывают портреты маленькие, такие, что умещаются на булавочной головке. Бывают и такие, что выше семиэтажного дома.

Видел я немало портретов, нарисованных детьми. Портреты эти не были похожи один на другой.

Мальчик с Кавказа нарисовал товарища Сталина в распахнувшейся косматой бурке, в черкеске с гозырями, на лихом коне. Конь мчится над кручей. Внизу облака. Наверху орел.

Девочка-китаянка нарисовала товарищу

Сталину узкие глаза, немножко раскосые. Негритенок изобразил Сталина курчавым, с тугими, мелко вьющимися волосами.

Каждый прибавлял портрету сходство с людьми своего народа. Каждый пририсовывал знакомые черты отца, товарища или старшего брата.

Но самый удивительный, самый неожиданный портрет показал мне раз один мальчик за границей, в чужой заморской стране.

Я остановился в большом городе и жил там в красивой гостинице. В гостинице служил мальчик — „бой“. Он чистил жильцам ботинки и с самого утра до поздней ночи мотался на побегушках. Целый день он бегал с письмами и разными поручениями с первого этажа на седьмой, с седьмого — на второй, со второго — на улицу, с улицы — в переулок, а там — в магазин, куда его посылали... Он так уставал, что иногда нечаянно засыпал над нечищеным ботинком. Тогда мрачный рослый швейцар подходил к нему, брал грязную сапожную щетку и с размаху проводил ее жесткой щетиной по

лицу мальчика. Бедняга вскакивал с лицом ушибленным и в ваксе.

Я однажды не вытерпел и заступился за мальчика. С этого дня мы с ним подружились. Он знал, что я приехал из Советской страны, и часто расспрашивал меня, как у нас живут, как учатся ребята и почему у нас вакса. Встречая меня, он украдкой салютовал — подымал кулак, как это делают революционеры.

Жил он, как все бои, в грязном и душном чуланчике под черной лестницей.

Как-то раз я пришел к нему в гости. Мы сидели с ним на скрипучей узкой кровати и разговаривали. Кто-то топал над нашими головами, сбегая по лестнице. Пахло ваксой и светильным газом.

Вдруг я увидел над кроватью небольшой портрет под стеклом в самодельной рамке, старательно выпиленной лобзиком. На портрете был изображен красивый мужчина со спокойными добрыми глазами. Густая черная борода скрывала нижнюю половину лица, а на самые брови была надвинута шляпа с широкими полями.

— Кто это? — спросил я.

Мальчик лукаво посмотрел на меня, потом перевел взгляд на стену, где висел портрет.

— Би-им, бюм-бум-бом, бэ-бам!.. — вдруг пропел он. — Слышали, где так часы играют на башне? Я один раз слышал по радио... На всю жизнь запомнил.

Он опять весело посмотрел на меня.

— Не узнаёте? Ловко! Значит, уж действительно никто не узнает, раз вы не догадались. Сказать вам, кто это? Только смотрите не разболтайте, а то мне будет!.. Это... — Он заговорил шепотом. — Это Сталин.

Я расхохотался.

— Это Сталин? Да что ты, милый мой! Разве Сталин такой?

— Минуточку, — спокойно возразил мальчик: — он у меня загримированный. Сейчас я вам покажу.

Мальчик подбежал к двери, высунулся, огляделся, потом прикрыл дверь и быстро снял портрет со стены. Он вынул что-то из-под стекла — и знакомое спокойное и доброе лицо

Box 10
Cub. 9
Dun. 1000
1000000

Сталина вдруг глянуло на нас. Мальчик держал в руке надставную бороду и шляпу. Они были вырезаны из плотной бумаги.

— Я видел в кино, — заговорил мальчик смущенно, словно оправдываясь. — Показывали один день советскую картину. Потом ее сразу запретили у нас. Там Ленин был загримированный. Он скрывался от белых. А этот портрет мне подарил один моряк. Но картинку надо было спрятать. Отнимут ведь... А я не хотел прятать. Я хотел, чтоб он всегда был со мной, тут. Я тогда взял да и сделал вот это... Вы только, пожалуйста, не говорите никому. Меня бы живо выгнали, если б узнали, что это Сталин.

Мальчик прислушался, потом быстро засунул бумажную бороду и шляпу обратно под стекло. Вошел швейцар.

— Живо сбегай в цветочный магазин для восьмого номера, — сказал угрюмый, обшитый галунами детина. — Чем ты тут занимаешься? Не дозовешься тебя!

— Я показывал господину портрет моего дедушки, — отвечал мальчик.

— Удивительно, как у такого почтенного и аккуратного на вид человека может быть эдакий бездельник вяук! — проворчал швейцар, мельком взглянув на портрет. — Уж, я думаю, он вел себя не так, как ты. Ты бы поучился у него.

— О, я стараюсь учиться у него, как только могу! — с жаром сказал мальчик, вешая портрет на место.

Со стены между низко опущенной шляпой и пышной бородой на нас смотрели спокойные и всё понимающие глаза Сталина.

НОЧНЫЕ ЗАБОТЫ

В Москве есть большой дом летчиков. Там, на восьмом этаже, живет мой старый товарищ, военный летчик Григорий Васильевич. Из окна комнаты хорошо видна вся Москва. Можно разглядеть Кремль вдали. Горят на башнях красные звезды. А ночью, если ветер летит оттуда, тихо доносится бой часов на большой кремлевской башне:

Би-им, бум-бум-бом, бэ-бам!..

Жена Григория Васильевича умерла. Осталась у него маленькая дочка Лена.

Раз летчик пришел домой после занятий очень поздно. Видит, в комнате горит свет, нянька спит, а Лена лежит с открытыми глазами. Она лежит с открытыми глазами,

смотрит вверх и считает, сколько надо одной мухе шагов сделать, чтоб через весь потолок от угла до угла перелезть.

— Ты что не спишь? И свет почему? — спрашивает Григорий Васильевич.

— Я проснулась и боюсь в темноте.

— Это что за новости! Спать сейчас же!

— А разве поздно уже? — хитрит Лена.

— Еще бы не поздно! Видишь, на улицах уже фонари потушили. Уже и трамваи на покой ушли. И все кондуктора спят давно. Даже под землей темно стало, в метро ток выключили. Все спят. Все!..

— И Сталин уже спит? — спрашивает вдруг Лена.

Григорий Васильевич отвечает не сразу.

— Нет, — говорит он и смотрит в окно, — Сталин, должно быть, еще не спит. У него ведь работы сколько!

— Да, — соглашается Лена, — Сталин, наверное, позже всех ложится... Папа, а когда он спит, и Ворошилов, и все тоже, кто ж тогда управляет всем?

— Не все спят ночью, — говорит летчик. — Вот сейчас часовые стали на посты. На кораблях моряки вышли на ночную вахту. В булочных пекари замесили тесто, чтоб к утру был для всех свежий хлеб. Наборщики в типографии печатают газеты, чтоб утром все узнали свежие новости. И товарищ Сталин видит: он не зря работал весь день. Часовые на страже. Моряки на местах. Тесто подходит. Печатные буквы выстраиваются в слова. А те, кому сейчас полагается спать, давно спят и видят хорошие сны. Значит, завтра у всех будут свежие головы, свежий хлеб, свежие хорошие новости. И когда товарищ Сталин увидит, что всё делается, как надо, он тоже ляжет спать. Поняла?

— Поняла.

— Вот. А у нас тут с тобой до сих пор свет не потушен. И, наверное, видно наше окно из Кремля. И там...

Он договорить не успел.

— Папа, давай потушим скорей свет! — зашущукала Лена и уже заранее закрыла глаза. — А то, может быть, правда, он там видит, что

у нас всё свет, и он беспокоится, что не все спят, и сам не ложится.

И в комнате на восьмом этаже в доме летчиков погасили свет, чтобы из Кремля было видно, что всё делается, как надо, и Лена сейчас заснет.

Би-им, бум-бум-бом, бэ-бам!..

Ба-ам-м-м!.. Ба-ам-м-м!.. Ба-ам-м-м-м!..

